

Видя, что все высказались достаточно, я махнула рукой:

— А-Хуань, это дело поручаю тебе. Поступай, как сочтёшь нужным.

Затем, повернувшись к остальным, добавила спокойно:

— Впредь все вопросы назначения и увольнения персонала в моих покоях будут в ведении Сун Фою. Наказания, награды и оценка слуг — прерогатива Вэй Хуань. Их должности и ранги я сама представлю на утверждение Вашему Величеству. Остальные вакансии заполнятся по распоряжению Приказа Дяньчжун и Департамента внутренних служб.

Все единогласно согласились. Взгляды, обращённые ко мне, выражали почтение, но теперь иначе смотрели и на Вэй Хуань. Та вместе с Сун Фою вышла вперёд, чтобы выразить благодарность, произнесла несколько положенных слов о том, что не подведут доверия. Сун Фою воспользовалась моментом и предложила несколько кандидатур на освободившиеся места, я со всем согласилась. Когда она закончила, Вэй Хуань сказала:

— Госпожа, прошу разрешения вскрыть деревянный ящик, извлечь секретные донесения и сверить их для ведения следствия.

Я понимала её замысел: в тех ящиках хранились личные тайны каждого, и сейчас, когда арестовали А-Ян, а Ван Сюй попал под следствие, было самое время разоблачить всех недоброжелателей и заменить их своими людьми. Так в моих покоях, пусть и останутся уши матушки, но уже не будет тотальной слежки, когда каждый шаг доложен ей. Именно для этого я сегодня и дала Вэй Хуань возможность проявить себя. Однако, хотя она и угадала мои намерения, до полного понимания моих мыслей ей было далеко. Я затеяла всю эту показательную расправу не для того, чтобы поселить во дворце всеобщий страх и поощрить доноительство. В конце концов, я всего лишь принцесса, а в Великой Тан полно людей куда влиятельнее меня. Если слуги будут бояться лишь моей власти, однажды они могут предать меня и перевернуться к сильнейшему. Я хотела, чтобы они служили мне искренне, по доброй воле.

Кроме того, слепо доверять одной лишь Вэй Хуань — так же опасно, как когда-то доверять А-Ян.

Я глубоко посмотрела на Вэй Хуань и улыбнулась:

— А-Ян и Ван Сюй — главные злодеи, остальные лишь подчинялись их давлению. Большинство дел, записанных в тех ящиках, совершены по их указке. Углубляться не стоит — лучше сжечь. Но только в этот раз. Впредь в моих покоях, как и в чертоге Цзычэнь, каждый сможет лично докладывать о делах. Если же узнаю, что кто-то преступил закон, наказание будет суровым и без снисхождения.

Вэй Хуань также глубоко посмотрела на меня, выпрямилась и почтительно склонила голову в знак согласия.

В душе Ваньэр бушевали противоречивые чувства: смутное волнение и томительная тревога. Матушка заметила её беспокойство и тихо спросила:

— Что сегодня она от тебя хотела?

В голосе звучали неприкрытые отвращение и страх.

Не желая тревожить мать, Ваньэр ответила с притворным спокойствием:

— Похвалила моё образование и велела служить в чертоге Цзычэнь.

Лицо матушки сразу переменялось. Она подползла ближе на коленях и зашептала:

— Ты... согласилась?

Ваньэр рассмеялась:

— А-нян, что ты говоришь? Разве я могу отказаться, если она сама приказала?

Матушка горько улыбнулась:

— Глупая я... Боюсь, как бы она не затаила злобу. Эх.

Ваньэр вспомнила поведение той женщины днём — та не показалась ей злопамятной. Но спорить с матушкой не стала: та много лет считала её коварной и жестокой интриганкой. Да и сама Ваньэр, повидав её всего несколько раз, не могла быть уверена в её характере. Она лишь улыбнулась и поправила матери растрёпанные волосы у виска. Матушке, в отличие от дочери, не везло: днём её всегда посылали на тяжёлую работу, посильную для юных служанок, но неподъёмную для женщины её лет. Сегодня она выглядела ещё более измождённой, взгляд — более тусклым, а у виска прибавился ещё один седой волос.

Ваньэр выдернула этот волосок. Матушка взяла его, прищурилась, разглядывая, и вздохнула:

— Старею, ни на что не гожусь. Хотела в свободное время сшить тебе летнее платье, а пока только один рукав готов.

Матушка была ровесницей той женщины, но та выглядела на двадцать с небольшим, а мать — на все шестьдесят. Как же разнится людская судьба.

На сердце у Ваньэр сжалось от тоски, но на лице она сияла ещё brighter улыбкой:

— Во дворце и так выдают одежду на все времена года, да и дядя недавно прислал обновки. Всего не переносить. А-нян, днём ты работаешь на казну, вечером хоть отдохни, не трудись ради меня.

Матушка улыбнулась:

— Ты сейчас растешь не по дням, а по часам, готовые платья сидят мешком. Девушка в расцвете лет должна одеваться со вкусом. Я сама сошью — будет впору. На самом деле, днём я не так уж занята, просто в последние дни сменился начальник, и теперь мы просиживаем время без дела. Не беспокойся. В этом году дядя тайком прислал несколько отрезков цветного шёлка. Сошью тебе пару нижних рубашек — носить под одеждой, они мягкие. Только смотри, не показывай никому.

Ваньэр поняла, что спорить бесполезно, и просто покорно согласилась. Вспомнив о шёлке, полученном днём, она оживилась:

— Я сегодня получила десять отрезков шёлка, императорской выделки, цветной. Посмотри, А-нян, если понравится — сошью и тебе платье. Это та женщина пожаловала, можно и понаряднее носить.

Услышав, что дочь не только не наказана, но и одарена, матушка изобразила на лице смесь страха и изумления, затараторила:

— Слушай, если шёлк обычный — продай, деньги припрядь, купишь чего-нибудь своим подружкам по службе. Те, кто служит в чертоге Цзычэнь, — не простые служанки. С ними надо ладить.

Ваньэр рассмеялась:

— Деньги у меня свои есть, а впредь буду получать жалованье и подарки. Хватит.

Не дожидаясь возражений, она встала и пошла за дневными дарами. Их принесли евнухи, сама она ещё не разглядывала. Чтобы порадовать матушку, выбрала самый яркий кусок, принесла, и они вдвоём развернули его, держа за концы.

Это был шёлк с узором из персиковых цветов. На розовато-красном фоне по углам были вышиты крупные цветы, а в центре — несколько сценок. Оказалось, это ткань для занавесей и покрывал.

Держа один угол, матушка ткнула пальцем в вышивку, внимательно разглядела и фыркнула:

— История про Ван Сяньчжи. У таких... людей и шёлк соответствующий. Мне такой не нужен.

Ваньэр не знала этой истории и, потянув мать за рукав, спросила:

— Какая история про Ван Сяньчжи? Расскажи, А-нян.

Матушка усмехнулась:

— Ты уже взрослая, расскажу. Это история про Ван Сяньчжи и его наложницу Таое. Он написал для неё «Песнь о персиковом листе», провозжая на пароме, а она ответила «Поэмой о круглом веере». Песни непристойные, читать не стоит... Ваньэр, что с тобой? Нехорошо себя чувствуешь?

Ваньэр натянуто улыбнулась и покачала головой:

— Ничего. Просто устала за день.

Матушка озабоченно сказала:

— Раз устала — ложись пораньше. Ты теперь служишь в том месте, пусть и не перед самой ней, но будь настороже всегда. Не высовывайся, особенно ты — новенькая. Уважай старших, не зазнавайся и не сближайся с ними слишком быстро.

Ваньэр была потрясена, но, боясь расстроить мать, лишь покорно соглашалась. Та, видя, что дочь не в духе, долго её уговаривала, уложила в постель, вздохнула и, зажёгши масляный светильник, ушла в другой конец комнаты шить.

Ваньэр почти не сомкнула глаз.

Раньше мать будила её, встав первой. На этот раз она проснулась сама, заслышав её движения. Быстро оделась. Матушка, как всегда, напутствовала её быть осторожной и со всеми ладить, но Ваньэр, обычно раздражавшаяся, теперь слушала молча. Когда мать поправила ей уже и так аккуратный воротник и затянула пояс, она улыбнулась:

— Всё поняла, А-нян, не беспокойся.

<http://bllate.org/book/16278/1466310>